

Вера Зубарева

На краю океана

Из книги «Тень города, или Эм цэ в круге» (Idyll, 2016)

* * *

Три часа ночи. Луна в повязке тучи
Мучается мигренью.
От этих дождей разбухла и выглядит пьющей,
А на самом деле
Сухой закон на ее поверхности,
И в кратерах – сплошная желтуха.
Кажется, тронешь – и распадется от ветхости.
Время в дупле кукушкиных ходиков ухает.
Кто подбросил им этого филина?
Кто бы то ни был, так им надо.
Хоть бы одна задремала извилина.
Это из ряда вон...
Сколько осталось еще до чего-нибудь?
Запад зашел за восток. Что делать?
Тьма равняется эм цэ в круге.
Всего их – девять.

* * *

Вечер падал и падал
В канаву мира,
Куда стекали все дни рожденья
По ржавым трубам телесных зданий,
И толстая прачка стирала в ней простыни.
Они сушились на ветвях дерева,
Качал их ветер, и разносилось

Его завывающее баюканье.
И люди всхлипывали в своих постелях
Внутри небоскребов беспросветного города,
И кто-то опять предлагал: «Давайте
Придумаем себе бога». А другие
Ему возражали: «Но ведь это уже было.
Было, было... И к чему привело?
Опять лежим мы на краю канавы,
И прачка стирает в ней наши простыни,
И ветер сдувает с них все до капли,
И никуда не деться от этого круговорота...»

* * *

Ночью встанешь,
Звезды в окне нашаришь,
– Слава-тебе-господи, – скажешь скороговоркой,
Перекрестишь зеркало, чтоб не просквозило
Твое отражение в минусовом королевстве.
Уснешь.
Проснешься с тяжелым сердцем.
Чего-то не нашаришь.
Уснешь с вопросом.
И уже никогда на него не ответишь.

* * *

Полчетвертого.
Время заспиртовано с позавчера
В стеклянной копилке будильника.
День – как ночь, надетая наизнанку.
Жизнь движется по траектории
«Пойди-туда-не-знаю-куда».
И стоит ли вообще вставать, или лучше
Валяться в постели
До следующего полчетвертого?

* * *

Манхэттен. Солнце, не выдержав нагрузки,
Плюхнулось на небоскребы, распласталось на брюхе.
Сваленные в кучу, как битые моллюски,
Темнеют бездомные. К ним ластятся мухи,
Лижут им лица, мурлычут, кляччат,
Ходят кругами, тычутся мордой
В позеленевшие блюдца фонтанчиков.
Сабвей приливает электричками к городу.
Вспыхивают осколки стеклянных офисов.
Закат. Манхэттен объят пожаром.
Желтых такси обозленные осы
Несутся, сигналижая пронзительным жалом.
Кричат воробьи, взрываются лужи,
Брызги прожигают все, как сигареты,
И одежды пытаются спасти свои души,
На которые с утра они были надеты.

* * *

Час пик накатывает на Бродвей.
Яблоко солнца с червяком самолета в срезе
Плавит мобильники у шизофреников в голове,
Вызывая перебои в сервисе.
Каждый разговаривает сам с собой.
Спутник-стукач все разносит поспешно.
Монологи, звучащие наперебой,
Складываются в диалог городских сумасшедших.
Костюмы движутся по направлению к метро.
Мыши со звоном бросаются врассыпную.
Их потертое серебро
Боязливо закатывается под стулья.
Салфетка парусника пересекает канал.
Огрызок солнца уносится водами.
Рестораны ожили. Где-то маяк заикал,
И аист откликнулся:
– Кушать подано!

Филадельфия